

УДК 940:3

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ОККУПИРОВАННОЙ НАЦИСТАМИ
БЕЛАРУСИ ПО ДАННЫМ ПАРТИЗАНСКОЙ РАЗВЕДКИ**

Евгений Гребень
Минск, Беларусь

В статье на основе разведывательных данных партизан характеризуется общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в оккупированной нацистами Беларуси.

Характеристика партизанами оккупационной действительности сопоставлена с документами немецкой оккупационной, местной вспомогательной администрации и данными современной белорусской историографии.

Ключевые слова: партизаны, нацистская оккупация, Беларусь

Для объективной реконструкции повседневной действительности в оккупированной нацистами Беларуси необходимо использовать разноплановые источники. Работы историков, исследующих различные аспекты оккупационного режима, традиционно основаны либо на документах немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации, либо только на документах структур движения Сопротивления. В результате имеется вероятность оказаться под влиянием источников со своей спецификой. Исключительно важно использовать одновременно и документы оккупационных структур и партизан и подпольщиков, а также иметь представление о том, как они коррелируются между собой.

В фонде Белорусского штаба партизанского движения Национального архива Республики Беларусь хранится множество аналитических обзоров и справок о положении на оккупированной территории, подготовленных партизанами и подпольщиками на основе собранных разведанных. Как правило, подобные документы касаются конкретной административно-территориальной единицы. В качестве примера можно привести документ под названием «Краткий обзор. По материалам партизанской разведки о положении на оккупированной территории в Полесской области БССР по состоянию на 15 февраля 1943 г.». Обзор охватывает продолжительный период оккупации. В нем характеризуются административно-территориальное деление и органы власти. Констатировались попытки врага с первых дней оккупации использовать белорусских и украинских националистов для создания иллюзии предоставления в будущем народам самостоятельности под контролем Германии. Отмечена двойственность политики немцев: с одной стороны, раздел оккупантами территории Украинской ССР, с другой – формальное сохранение названия и включение в рейхскомиссариат Украина отдельных белорусских территорий. Дан перечень административно-территориальных единиц генерального округа Житомир рейхскомиссариата Украина, охватывающие белорусские территории: Мозырский гебитскомиссариат (Мозырский, Калинковичский и частично Копаткевичский районы), Василевичский (Василевичский, Хойникский, Брагинский и Лоевский районы), Петриковский (Петриковский, Туровский и Лельчицкий районы), Ельский гебитскомиссариат (Ельский и Наровлянский районы) [1, Л. 88–89]. Данные о территориальном делении районов Полесской области в составе тыловой зоны группы армий «Центр» не приводятся, и более того, остальные территории Полесской области почему-то рассматриваются как входящие в «генеральный комиссариат Остланд» [1, л. 97]. Судя по всему, составитель (составители) документа опирался на подробные агентурные данные, касавшиеся рейхскомиссариата Украина, но имел приблизительное представление о ситуации в северо-восточных районах в составе тыловой зоны группы армий «Центр».

Приведена структура оккупационной и местной вспомогательной администрации. Относительно глав низового звена местной администрации отмечалось, что на эти должности людей рекрутировали с помощью угроз и антисоветской пропаганды, имеется много антисоветских элементов. Данный тезис проиллюстрирован конкретными примерами: помощник коменданта Комаринской комендатуры – бывший учитель средней школы, сын раскулаченного; из числа раскулаченных старшина Пирковской волости Комаринского района, волостной агроном и полицейские, которых до войны были арестованы НКВД (приведены фамилии граждан) [1, Л. 89–90].

Относительно экономической эксплуатации гражданского населения приводится тезис об отсутствии фиксированных денежных и натуральных налогов, что не соответствовало действительности. В первые месяцы оккупации была введена система налогообложения, и описываемые в документе грабежи имели место в виде реквизиций у крестьян продуктов частями вермахта, и никак не были связаны с фиксированными налогами. Изъятие продуктов при помощи насилия происходило в случае невыполнения конкретной крестьянской общиной плана сдачи натуральных налогов. Ниже, вопреки тезису об отсутствии системы налогообложения, приводятся примеры фиксированных налогов: 30 центнеров зерна с гектара, 250 литров молока с коровы, 46 кг мяса с крестьянского двора, 120 руб. в год подушного налога, обязательное страхование недвижимости, налог на содержание собак и кошек [1, Л. 90–91]. Существование последнего налога не подтверждается распоряжениями оккупационной администрации о налогообложении и финансовыми документами местной вспомогательной администрации [2, С. 206–222]. Интересна информация о нормировании потребления населением продуктов питания путем регламентации объема зерна, разрешенного для помола: 6 кг для взрослого и 3 кг для ребенка на месяц. Приведены также факты уклонения крестьян от уплаты налогов и реакция оккупантов (тотальное изъятие коров, публичные телесные наказания, не регламентированные официальными распоряжениями оккупационной администрации), уничтожение населенных пунктов вместе с жителями. В частности, сообщается, что в Ельском районе по этой причине было сожжено 12 деревень, 704 дома с хозяйственными постройками, в ходе акций погибло 916 человек [1, Л. 90–91].

В документе приводится отличная от устоявшейся в современной белорусской историографии картина религиозной жизни [3]. Сообщается о низкой популярности религии среди населения, за исключением старшего поколения, приводится информация о наличии в регионе практики обязательного венчания, запрета похорон без отпевания умершего священником [1, л. 91]. Разрешив свободное отправление религиозных обрядов, оккупационные власти никогда не увязывали регистрацию актов гражданского состояния с обязательной фиксацией их в храмах [2, С. 66–75]. В целом, делается вывод, что церкви, несмотря на активную работу, не удалось привлечь на свою сторону молодежь, население к церкви относится сдержанно, церковная агитация не пользуется успехом [1, л. 92].

Характеристика регламентации торговли и финансовой системы на оккупированной территории также не всегда отражает существовавшие реалии. Справедливо отмечено, что в городских магазинах можно было приобрести только хлеб по карточкам и некоторые товары кустарного производства, предметы первой необходимости, в частности мыло, керосин, соль, в продаже отсутствовали (с отсутствием последней автор документа связывал распространение среди населения цинги), работали частные комиссионные магазины и ларьки, торговавшие предметами религиозного культа (крестики, иконы) [1, л. 92]. Одновременно говорилось о запрете на продажу на рынках сельскохозяйственных продуктов, и граждане, замеченные в продаже таковой, вылавливаются полицией и жандармерией и наказываются вплоть до расстрела или повешения. В данном случае автор отчета, очевидно, смешивает торговлю продуктами питания, которая была вполне легальна, хотя и ограничена рядом условий (список разрешенных к продаже товаров, наличие справки о сдаче натуральных налогов, продажа по фиксированным ценам) и запрещенную, но имевшую место спекуляцию, которую оккупационные власти не смогли ликвидировать, несмотря на все усилия [2, С. 351–376]. Далее приводилась информация о массовом вовлечении голодающих горожан в запрещенные на рынке обменные операции, спекуляцию, покупку у немецких солдат горючего, спичек, табачных изделий, одеколона и других промтоваров. Сообщалось, что до июня 1942 г. в обращении находились оккупационные

марки и советские рубли, потом последние были изъяты из обращения и заменены на выпущенные Ровенским эмиссионным банком украинские карбованцы, но купюры достоинством в 1 и 3 рубля остались в обращении [1, л. 92].

Относительно системы образования сообщалось, что школы функционируют только в районах, где нет партизан, учебных заведений и учеников мало. Последнее обстоятельство объясняется высокой платой за обучение, что не соответствовало действительности. Отмечался также дефицит медицинских учреждений, особенно, в сельской местности, медперсонала и медикаментов, наличие высокой оплаты за оказание медицинских услуг [1, л. 93]. Весьма кратко охарактеризована экономика региона и эксплуатация нацистами трудовых ресурсов. Отмечено отсутствие в области работающих промышленных предприятий, за исключением мельниц, небольших электростанций, пекарен (Ельск, Мозырь, Василевичи, Калинковичи и Житковичи) и мелких полукустарных предприятий, обслуживающих интересы немцев. Начало угона населения на принудительные работы в Германию в Полесской области датировано, почему-то, ноябрем 1942 г., хотя по всей оккупированной Беларуси вербовка добровольцев и принудительная мобилизация начались весной того же года. Наиболее успешно мобилизация была осуществлена в населенных пунктах вдоль железной дороги Лунинец – Гомель, где оккупационные власти провели перепись трудоспособных и отправили их на сборные пункты в районные центры. В ноябре 1942 г. партизаны взорвали мост через р. Птичь, что затруднило вывоз рабочей силы, перехватывали направлявшиеся на сборные пункты партии рабочих и отправляли их домой [1, л. 95].

Вполне логичным было пристальное внимание к дислокации, численности и настроениям среди военнослужащих вермахта и формирований стран-сателлитов Германии. В частности, сообщалось, что каждом гебитскомиссариате насчитывалось до 50 жандармов. Описывается система охраны железной дороги Лунинец – Гомель. Трасса некоторое время охранялась частями словацкой дивизии (штаб в г. Овруч) и железнодорожной полицией. В декабре 1942 г. словацкие части были заменены немецкими по причине ненадежности словаков, их связями с партизанами Полесской области, которые вели активную работу по разложению словаков (к партизанам перешли отдельные военнослужащие и целые группы общей численностью свыше 150 чел.). В результате словацкие части были переведены на охрану менее важных объектов в Овруче, Житомире и Ельске и частично разоружены [1, л. 93–94]. Им на смену пришли немецкие солдаты старших призывных возрастов, моральное состояние которых характеризовалось как неустойчивое, настроение характеризуется высказыванием кого-то из них: «На нас, стариках, Гитлер много не навоюет». Несмотря на низкую оценку боевого духа, отмечалось, что немцы дорогу охраняют более тщательно, действуют группами по 10 – 15 человек, на станциях и разъездах построены дерево-земляные укрепления с пулеметными точками. Партизанам была известна численность гарнизонов железнодорожных станций, велось наблюдение за интенсивностью перевозок, активизация которых связывалась с наступлением Красной Армии на фронтах, приводились данные о переброске живой силы, конкретных грузов, скорости движения составов, состоянии мостов [1, л. 94].

Отдельный раздел посвящен полицейским и националистическим вооруженным формированиям. Сообщалось, что в марте – апреле 1942 г. в Полесской области на основании распоряжения Житомирского гебитскомиссара была проведена вербовка в полицию мужчин призывного возраста; населенные пункты получили разнарядку, и в случае если добровольцев не оказывалось, старосты выделяли требуемое количество. Далее мобилизованные проходили обучение в школе в Житомире, сводились в подразделения и направлялись к месту службы. Описывалась маркировка повязки полицейских, по которым определялась принадлежность к гебитскомиссариату («щуцман №... Мозырь») [1, л. 96]. До января 1943 г. вдоль железной дороги Лунинец – Гомель

дислоцировался Мозырский отдельный казачий отряд численностью до 600 бойцов. «Мозырским» он был только по месту дислокации, поскольку сформирован на территории Украины в Шепетовском концлагере из советских военнопленных – уроженцев Дона, Кубани и Терека. Приводимые данные свидетельствовали о хорошей информированности партизан, явно беседовавших с бойцами отряда (перебежчиками или военнопленными – Е.Г.). Отмечалось, что не все бойцы отряда являлись казаками, поскольку многие военнопленные называли себя так и шли в коллаборационные формирования, чтобы вырваться с концлагеря. Сотни отряда дислоцировались в Житковичах, Копчцевичах, Калинковичах, Василевичах и Овруче. По последним данным казаки были сняты с охраны железной дороги по той же причине, что и словаки [1, л. 96].

Исключительно важным было наблюдение партизан за агентами немецких спецслужб. Отмечалось, что большинство немецких агентов из числа местных жителей были репрессированы советской властью или являлись криминальными элементами, и лишь немногие являются жертвами шантажа и угроз немцев или обещаний лучшей жизни [1, Л. 96–97].

Интересна оценка партизанами органов социальной опеки местной вспомогательной администрации. В составе городских и районных управ осенью 1941 г. были созданы подразделения, отвечавшие за регистрацию и обеспечение пенсионеров, инвалидов, сирот и малоимущих граждан. В документе деятельность подобных структур оценивается исключительно в интересах граждан, пострадавших от советской власти, а руководители подразделений характеризуются как агенты гестапо, которые вели вербовку агентов во время перерегистрации паспортов. Не секретом был то, что внимание немецких спецслужб было сфокусировано на партизанах, поэтому в отряды часто засылали агентов из числа бывших военнопленных, жен и детей репрессированных советской властью граждан, которых обучали в специальных школах, ставили задачу разлагать отряд изнутри, культивировать мародерство и осуществлять террористические акты против руководящего состава [1, л. 97]. В подтверждение приведен случай, когда в декабре 1942 г. партизанами отряда им. Ворошилова в Калинковичском районе была задержана и расстреляна гражданка, сознавшаяся на допросе, что была завербована гестапо и получила задачу проникнуть в партизанский отряд, стать разведчицей, что облегчило бы ее связь с гестапо, сообщать партизанам недостоверные сведения и ликвидировать командный состав [1, Л. 97–98].

В населённых пунктах, не подконтрольных партизанам, действовали отряды самообороны и отряды полиции для борьбы с партизанами и заброшенными в немецкий тыл советскими парашютистами. Сообщалось, что подобные крупные отряды имеются в населённых пунктах Ломовичи, Протасовичи Октябрьского района, Савичи, Волосевичи, Озаричи Домановичского района. Отряды самообороны и полиции организованы частично из добровольцев, частично путем принудительной мобилизации; полицейские служат добросовестно, опасаясь мести партизан и репрессий немцев. Все сельские старосты рассматривались как осведомители гебитскомиссара и гестапо (общеизвестный факт, что часть сельских старост была назначена на должность принудительно, путем шантажа и угроз игнорировался), при каждом из них имелось по два связника, которые должны были сообщать полиции или жандармерии о появлении партизан, парашютистов или подозрительных лиц, занимающихся антинемецкой пропагандой. Расходы, связанные со сбором и доставкой сведений, оплачивались полицией и жандармерией деньгами и продуктами. По мнению партизан, немецкая контрразведка активно использовала в своих целях сельскую интеллигенцию, особенно, учителей. Последние, в свою очередь, используют детей, которые ходят в лес для сбора ягод и грибов и выявляют партизанские базы и пути передвижения. В качестве иллюстрации приводился пример расстрелянного партизанами учителя из д. Носовичи Василевичского района, который на допросе сознался, что регулярно информировал, получая сведения от учеников, которые

рассказывали ему о партизанах, не подозревая о последствиях [1, л. 98]. Насколько сотрудничество учителей с оккупантами можно было рассматривать как тенденцию, вопрос спорный.

Таким образом, анализируемый документ всесторонне характеризует различные аспекты нацистского оккупационного режима на примере конкретной административно-территориальной единицы. Насущной необходимостью для партизан являлось четко представлять количество, места дислокации и моральное состояние войск противника и вооруженных коллаборационных формирований, структуре оккупационной администрации. Информация об организации системы здравоохранения и образования, торговли, религиозной ситуации дается кратко и в ряде моментов отличается от реальной ситуации на оккупированной территории. Тем не менее, созданные на основании партизанских разведанных отчеты в основном не противоречат картине повседневности, видной из документов немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации.

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19.
2. Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.) : монография / Е. А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
3. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941 – 1944 гг. / С.В. Силова. – Минск : Белорусский Экзархат, 2005. – 72 с.; Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Минск : Изд. Бел. Экзархата, 2000. – 351 с.